
СОВРЕМЕННАЯ ЗАПАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Поздняков М.В.

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и психологии Московского машиностроительного университета (МАМИ); Россия, 107023, г. Москва, ул. Большая Семёновская, д. 38. E-mail: max1997im@gmail.com.

Онтологический проект Хайдеггера 1930-х годов

Аннотация: В статье рассматриваются основные идеи бытийно-исторического проекта Мартина Хайдеггера, наиболее полная формулировка которых имела место в сочинении «Заметки по философии» 1936–1938 годов (Beiträge zur Philosophie). Основное внимание уделено переосмыслению понятия «вот-бытие» (Dasein), а также ключевому понятию данного проекта – «событие» (Ereignis). Автор показывает, что «вот-бытие» в новом проекте Хайдеггера приобретает характер глобального «просвета», в котором собственно раскрывается всё сущее, включая человека. «Вот-бытие» уже не понимается Хайдеггером как сущее, которым является человек (как это имело место в «Бытии и времени»). Далее автор анализирует хайдеггеровское понимание «события» как свершения некоей онтологически понятой собственности. Последняя представляет собой процесс результатом которого, с одной стороны, выступает раскрытие сущего, а с другой, жёсткая фиксация его однозначности, что в метафизическом смысле означало бы учреждение «реальности» мира. При этом «реальность» мира обеспечивает все способы деятельности и познания человека. Человек, с одной стороны, есть медиатор «реальности» реального, а с другой сам является содержанием этой реальности, в которой он проявлен. О-своение (Ereignis), таким образом, есть процесс, через который сущее и человек поступают в распоряжение и собственность друг друга, приобретая «своё» (eigen). В то же время, механизм «о-своения», как его обрисовывает Хайдеггер, всегда предполагает и сохраняет возможность нового «наброска» бытия, результатом чего будет масштабная смена постигаемых и используемых «свойств» сущего и форм самого постигания (сознания) человека.

Ключевые слова: феноменология, Хайдеггер, «Заметки по философии», бытийно-исторический проект, бытие, вот-бытие, событие, собственность, набросок, истина бытия, открытие, сокрытие, бездна, просвет, временность, деструкция метафизики.

1. Вводные характеристики

В данной статье пойдёт речь об основных идеях так называемого «бытийно-исторического проекта» Хайдеггера. Это название появляется в сочинении «Заметки по философии», которое в данном проекте можно считать центральным. Написанное в 1936–38 годах, опубликовано оно было лишь в 1989 году. Осмысливая здесь эволюцию своих взглядов, Хайдеггер противопоставляет данный проект «трансцендентально-горизонтальному» с ядром в виде «Бытия и времени».

Что же нового появляется в нём? Первое, что бросается в глаза, это более тесная связь между вот-бытием (*Dasein*) и бытием как таковым. Если раньше Хайдеггер брал первое как демонстрационное сущее, поскольку мы, люди, им являемся и располагаем бытийным пониманием, то теперь он даже реже называет его сущим. Вот-бытие постигается как то, в чём нуждается бытие для своего осуществления. Правда, ещё в 1929 году он представил дело так, будто такой расширенный смысл понятия «вот-бытие» уже подразумевался в «Бытии и времени»¹. Подобные перетолкования своих ранних терминов из более поздних мыслительных схем после «поворота» становятся для Хайдеггера весьма характерными. С точки же зрения исследовательской более взвешена такая оценка: «Бытие и время» мыслит от человека к бытию и пытается открыть структуры вот-бытия для некоего понимания бытия. Поздние же усилия мыслят от бытия назад к человеку и постигают его в качестве осуществлённого бытием в событии своего присутствия»². Второе новшество – это слово *Ereignis*, которым Хайдеггер фактически называет имманентный способ осуществления бытия, и соответственно развёрнутая вокруг него концепция. В традиционном словоупотреблении это слово означает “событие”, но Хайдеггера интересует в нём корень *-eigen-*, означающий «свой», «собственный». Он вводит в игру весь корпус однокоренных слов, на переливах значений которых и строится иной смысл слова *Ereignis*.

¹ Он писал следующее: «Чтобы одновременно и в *одном* слове ухватить как отношение бытия к сущности человека, так и отношение существа человека к открытости («вот») бытия как такового, для фундаментальной области, в которой располагается человек как человек, было избрано имя «вот-бытие» (*Dasein*)», *Heidegger M. Was ist Metaphysik? Einleitung*. Frankf. am Main, 1992. S. 14. Все цитаты из немецкоязычных сочинений даны в авторском переводе.

² *Bretschneider W. Sein und Wahrheit. Über die Zusammengehörigkeit von Sein und Wahrheit im Denken Martin Heideggers*. Meisenheim am Glan, 1965. S. 75.

В докладе 1962 г. «Время и бытие» он прямо указывает, что значение «Ereignis» как термина его философии надо развести с традиционным смыслом: «Мы не можем представлять то, что называется словом «Ereignis», руководствуясь привычным смыслом слова, поскольку тогда «Ereignis» понимается как происшествие, случай, а не из «Eignen» (своиться, годиться)»³.

В “лучших” традициях своего философствования Хайдеггер нигде не говорит: Ereignis означает то-то и то-то, – он пытается показать, как Ereignis осуществляется. Следует, впрочем, заметить, что нечто вроде почек, из которых мог прорасти данный термин, содержалось уже в «Бытии и времени»⁴.

Применительно к термину Ereignis в очередной раз встаёт проблема перевода. В разных частях Хайдеггер акцентирует разные аспекты Ereignis, что делает крайне затруднительным выбор одного русского слова. Его просто невозможно удержать одно (в отличие от более-менее закрепившегося «вот-бытия» для Dasein). Где-то его уместно перевести как «о-своение» (то есть с акцентом на предоставлении всему своего), где-то как «вы-своение» (с акцентом как бы на выдвигании в открытость, вроде вываливания из мешка, понимая под «вы-своением» выпускание на самостояние), там, где речь идёт о *забрасывании* вот-бытия в собственную самость, напрашивается перевод «ввергание», где-то данный термин явственно означает словарное «событие».

Наконец, в тех местах, где речь идёт об Ereignis как об осуществлении *das Seyn* – подлинного, хотя и недостижимого, остающегося в сокрытии источника, на фоне которого всё сущее как бы живёт взаимы, и которое (Бытие) тем самым одно лишь и есть *само*, его уместно перевести как «своение». В практическом аспекте это означает, что при дальнейшем цитировании будут даваться разные переводы и слово Ereignis в скобках, ориентируясь на контекст, а об уместности избранного перевода пусть уж судит читатель. В конечном счёте, Хайдеггер имеет в виду все эти значения⁵.

³ Heidegger M. *Zeit und Sein*. GA Bd. 14. Fr./M., 2007. S. 25–26.

⁴ А именно, переходы из модуса несобственности (Uneigentlichkeit) в собственность (Eigentlichkeit), названия которых имеют тот же корень, и сама базовая характеристика вот-бытия, «что оно в качестве своего должно быть своим бытием (daß es je sein Sein als seiniges zu sein hat)», Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tübingen, 1986. S. 12.

⁵ Трудности с переводом данного термина на русский язык возникли у тех пере-

Основные идеи бытийно-исторического проекта представляют собой описание сложных связей между бытием, вот-бытием, сущим, истиной и Ereignis. Вот-бытие понимается как то, в чём нуждается бытие, как то, что бытие вы-сваивает (er-eignet). Если в «Бытии и времени» под «вот-бытием» всё же понималось сущее, которым являемся мы, люди, или, как выражаются многие исследователи, определённым образом истолкованная субъективность⁶, то теперь Хайдеггер дистанцируется от этого: называемое «человеком» обнаруживается как бы внутри вот-бытия. Однако, собственно в текстах мы видим, что некоторые экзистенциалы и их компоненты, описанные в «Бытии и времени», по-прежнему приписываются вот-бытию. В частности, это «мир» (из бытия-в-мире), озабоченная деятельность (Besorgen), набросок, заброшенность. Разумеется, акценты при этом смещаются. Помимо этого, в тех редких случаях, когда он иллюстрирует свои построения простыми словами, то почти всегда нас встречают феномены только человеческого плана. Появляется, правда, тема богов (совершенно не характерная для Хайдеггера периода «Бытия и времени»), но они опять же трактуются исключительно в их связи с людьми. Появляется также неожиданное образование – «земля», под которым на первый взгляд подразумевается нечто внечеловеческое.

Бытие, вопрос о смысле которого он пытался решить в 20-е годы, теперь становится совершенно непостижимой основой, из которой как бы проступает всё. На письме оно теперь всё чаще выглядит как «das Seyn», вместо привычного «das Sein». За этим последним сохраняется значение бытия как обозначения всех способов данности нам сущего, то есть то, как мы понимаем бытие, отталкиваясь от сущего, прежде всего как наличность, присутствие (Anwesenheit). (Впрочем, автор соблюдает это различие не строго). Трудно сосчитать, сколько раз он повторяет, что привычное для западно-европейской фило-

водчиков, которые работали с текстами «Время и бытие», «Вещь», «Закон жадства» (Солодовникова А.С., Бибихин В.В., Доброхотов А.Л. соответственно), в которых Хайдеггер, хотя и развёртывал полностью всё наработанное им в конце 30-х годов, однако, увязывал устройство Бытия с Ereignis

⁶ Вот характерная оценка П.П. Гайденко, под которой подписались бы многие исследователи хайдеггеровской философии: «В «Бытии и времени» Хайдеггер описывает структуру человеческого бытия, которое есть не что иное, как по-новому понятая трансцендентальная субъективность Гуссерля», *Гайденко П.П. М. Хайдеггер: от исторической герменевтики к герменевтике бытия // Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному. М., 1997. С. 352.*

софии понимание бытия как наличия, не имеет ничего общего с тем измерением, куда пытается выйти он сам. В дальнейшем бытие, понимаемое по-хайдеггеровски, я буду обозначать как «Бытие».

В данной статье нас не будет занимать деструкция Хайдеггером метафизики⁷. Практически в любом своём сочинении он в большей или меньшей мере занимается этой процедурой. Применительно к вопросу о бытии, суть дела в том, что, для западной философии, начиная с Парменида, «сущим» считается то, что присутствует и устойчиво. Бытие такого сущего закономерным образом трактуется как присутствие (Anwesen). В соотношении с этими характеристиками осмыслены все прочие опорные пункты любой западной теории: движущееся, меняющееся, становление, возникновение, уничтожение, единство, тождественность субъекта, и т.д. Причём, происходит это совершенно неосознанно.

Помимо этого дело принимает такой оборот, что для метафизики исходным для дальнейших спекуляций является именно осмысленное таким образом сущее, которое существует как бы само по себе, а его бытие считывается с него уже на втором шагу. Между тем, согласно Хайдеггеру, базовые характеристики – устойчивость и присутствие – уже не возводятся в метафизических построениях к чему-то ещё, вообще не становятся темой для рассмотрения, а берутся как само собой разумеющееся, а это значит – исходный пункт всех метафизических спекуляций совершенно непрояснён, и они висят в пустоте. Собственно говоря, такого основания в виде чего-то сущего, по Хайдеггеру, и не может быть. И для него это означает, что «не бытийность считана с сущего и не сущего, а сущее набросано на эту бытийность, чтобы впервые показываться в яви этого наброска в качестве сущего и несущего»⁸.

В то же время анализ метафизики имеет для него чрезвычайно важное значение – он есть наглядная иллюстрация разворачивания так называемого наброска бытия. Многократно рассмотренная им последовательность «досократики – Платон, Аристотель – средневековая философия – нововременная философия – Ницше как последнее звено» образует, с одной стороны, почву, которую в «новом начале»

⁷ Данный вопрос был рассмотрен мной в статье: Анализ метафизики в философии М. Хайдеггера // Вестник Московского государственного индустриального университета. 2002. № 1. С. 46–54.

⁸ *Heidegger M. Beiträge zur Philosophie. GA. Bd. 65. Fr./M., 1989. S. 195.*

надо будет покинуть, а с другой, наполняет конкретным содержанием его тезис об историчности бытия, которое манифестирует себя в видоизменениях понимания сущего. Причём, данная иллюстрация – единственно доступная, поскольку «нового начала», собственно, ещё нет.

2. Переосмысление вот-бытия (Dasein)

Итак, Бытие нуждается в вот-бытии, поскольку через него проявляется сущее. Вот-бытие понимается тем самым как своеобразный проводник, используя же хайдеггеровские термины, как просвет в бытии. Вот как Хайдеггер презентует данный термин студентам в лекционном курсе 1937–38 годов: «Повсюду и постоянно мы относимся к сущему как действительному, как к возможному и необходимому. Мы сами принадлежим кругу сущего как сущее. Сущее в целом нам определённым образом известно и привычно, даже и там, где мы специально не обращаемся к нему, оно наличествует и обступает нас как доступное. ... Сущее – и мы сами посреди него – определённым образом открыто. В сущем господствует такая *открытость* (*Offenheit*). ... Сущее стоит на свету, в свете и даёт подход и проход – оно прояснено, прорежено (*gelichtet*). Мы говорим о просвете в лесу, некоем свободном светлом месте. Открытость сущего есть такой *просвет*⁹.

Однако в то же время сущее окружено, а именно не тем сущим, которое нам не доступно, и, может быть, никогда не доступно, а сокрытым, которое скрывает себя как раз тогда, когда мы, держась в просвете, полностью отдались открытому сущему, или даже провалились в него. Как раз тогда мы меньше всего обращаем внимание на то и реже всего затронуты тем, что соответственно это сущее «есть» в открытом или, как мы говорим «имеет» бытие. То, что отличает сущее от несущего, что оно есть и есть так-то и так-то, стоит не в просвете, а в *сокрытии*. Если мы, обратив на это внимание, сделаем по-

⁹ Немецкое слово *die Lichtung*, используемое Хайдеггером, имеет словарные значения: просека, прогалина, поляна в лесу. Глагол *lichten* от которого образовано причастие *gelichtet* означает прорезать, разрезать, очищать. Он в свою очередь, происходит от *das Licht* – свет. Всё это в целом делает наиболее приемлемым перевод *die Lichtung* как просвет. Понимаемый же в переносном смысле этот термин означает область, в которой сущее является как ясное, более-менее понятное и в силу этого достигаемое (хотя бы теоретически).

пытку ухватить это бытие – как бы как некое сущее, – то мы схватим пустоту. Бытие не просто открыто – оно уклоняется и скрывается. Отсюда мы приходим к выводу: просвет, в котором есть сущее, не просто ограничивается и обрамляется чем-то скрытым, а есть посредством *самосокрывающегося*¹⁰.

Что можно констатировать, опираясь на этот фрагмент? Во-первых, сам термин «сущее», как это видно, понимается Хайдеггером предельно широко. В «Заметках» та же картина. Мы читаем там, что сущее – это, например: вещь, средство, манипуляция, труд, поступок, жертва. А также «безжизненное и живое: камень, цветок, животное, человек»¹¹. Во «Введении в метафизику» он выразился так: «Какой-нибудь слон в каких-нибудь джунглях Индии столь же сущ, как и какой-нибудь химический процесс горения на Марсе или любое другое»¹². При этом Хайдеггера уже не занимают различения подручного (Zuhandene) и наличного (Vorhandene) и разбирательство, что из них первично в мире.

Во-вторых, природа сущего (как раскрывающегося в просвете, т. е. вот-бытии, и никак иначе) такова, что это неизбежно нечто открытое, истинное, очевидное (понятное, доступное). Неясность или недоступность того или иного конкретного сущего может носить лишь временный характер и подразумевает его принципиальную устранимость. Сущее в том или ином отношении ясно, поскольку ясно, что мы называем «сущим», ясно, что считается сущим, а что нет, и как оно должно быть, чтобы считаться таковым. При этом в число этого сущего включён и сам человек,

Однако, такая ясная «природа» сущего, его открытость (Offenheit), не от самого сущего берётся. Она возникает из другого источника, а именно, из Бытия¹³. В простейшем смысле она представляет собой как бы масштабный разовый выброс в историческое пространство и время, свершающийся со стороны Бытия, хотя потом выясняется, что пространство и время сами включены в этот выброс. Этот выброс, в котором раскрыто, что есть сущее, и как понимается его

¹⁰ Heidegger M. Grundfragen der Philosophie. Ausgewählte «Probleme» der Logik. GA. Bd. 45. Fr./M., 1984. S. 209–210.

¹¹ Heidegger M. Beiträge zur Philosophie. S. 71.

¹² Heidegger M. Einführung in die Metaphysik. GA. Bd. 40. Fr./M., 1983. S. 5.

¹³ Более точно, дело обстоит так: с одной стороны, она результат наброска (Entwurf) вот-бытия, но как бы с более высокой точки обзора, она есть манифестация Бытия.

бытие, есть ничто иное, как истина (несокрытость). И когда Хайдеггер пишет об «истине бытия», то в этом всегда содержится два смысла. «Истина бытия» как раскрытая ясность по поводу того, что считается сущим, и «истина бытия» как «истина Бытия», то есть происходящая манифестация непостижимого Бытия.

В-третьих, особо подчёркивается: своеобразие просвета состоит в том, что он сам, по существу, не виден, поскольку внимание зрителя, который сам находится в том же просвете, приковано к тому, что в этом просвете видно. Или по-другому – именно в этом просвете свершается сокрытие того, что делает этот просвет просветом. Тем самым открытие и сокрытие образуют неразрывное единство. Дело понимается так, что Бытие как бы отказывается от себя в пользу сущего, и человеческая привязанность именно к сущему входит в устройство самого Бытия. В «Заметках» этому аспекту, который называется «сокрытием Бытия» или «самосокрытием Бытия» уделено очень много места, и об этом в своём месте будет сказано более подробно.

Итак, вот-бытие есть обрисованный специфический просвет в Бытии. Теперь, в конце 30-х годов, Хайдеггер очень часто поочерёдно акцентирует внимание на двух сторонах вот-бытия, а именно на самом этом «вот-» и на «-бытии». Связь между ними такова, что они не одно и то же, но и не существуют одно без другого. Говоря кратко и предварительно, «вот» есть сам просвет, в котором раскрыто, что есть «быть», а бытие этого «вот» суть как бы способы закрепления просвета. Мне кажется уместной аналогия с процессом фотографирования (разумеется, в доцифровую эру), когда мы делали снимок на плёнке, который исчез бы на свету без дополнительных манипуляций по проявке. Проявка фиксирует изображение на плёнке или на фотобумаге. Нечто подобное происходит и через *-бытие* в составе вот-бытия.

Дело в том, что определённость форм бытия «вот» точно также задаётся изнутри самого этого просвета «вот». Происходит своеобразное взаимоналожение: «вот» закрепляется через формы своего бытия, а ясность форм этого бытия задаётся изнутри этого «вот».

Что это за формы? Хайдеггер говорит о них лишь несколько раз, но в этих упоминаниях они обрисованы достаточно чётко и, причём, простыми словами. Вот характерный фрагмент, в котором также фигурирует и тема сокрытия. «Само сокрытие выполняется в вот-*бытии* и в качестве вот-*бытия*. А оно происходит, приобретает и теряет историю во включённой, изначально принадлежащей сбыванию, однако

едва знающей о нём озабоченной деятельности (Be-sorgen). Последняя (определённая не из повседневности, а из самостности вот-бытия) держится в разнообразных требующих друг друга способах: изготовление вещей, манипуляции с устройствами (техника), создание произведений, государственная деятельность, мыслительная жертва. Соответственно во всех подготовительных и сопутствующих формах познания и сущностного знания как утверждения истины. ... Но сокровище держится не только в способах производства, но столь же изначально в способе приёма встречи неживого и живого»¹⁴. Из этого перечня мы видим, что после-дефисная часть вот-бытия – это все основные способы человеческой деятельности и познания.

Это странный диссонанс, состоящий в том, что Хайдеггер постоянно твердит, что вот-бытие нередуцируемо к человеку, а с другой стороны, все реальные содержательные феномены вот-бытия – это феномены человеческого плана. Хайдеггер понимает дело так. «Вот» в составе вот-бытия – это изначальный просвет, в котором задаётся истина бытия, т. е. что значит «быть». Сущее раскрывается в этом просвете, вступая в него. Оно, собственно, становится «сущим» только в просвете, согласно опережающему заданию смысла бытия. Человек же – это то сущее, которое, с одной стороны, также раскрывается только в этом просвете, потому что всё, считающееся «человеком» открыто именно в нём, и к тому же оно оформлено из отношений к остальному раскрывшемуся в просвете сущему, а, с другой, бытие просвета, бытие этого «вот» – это бытие человеческое.

По Хайдеггеру, это не означает, что человек становится сущим, определяющим смысл бытия, поскольку это бытие – не его собственность, наоборот, это он – его собственность, он выстаивает в Присутствии. Человек ни в коей мере не задаёт истину Бытия – он её претерпевает, испытывает на себе. Но, несмотря на это, мы неизбежно приходим к выводу, что без человека не свершался бы никакой просвет, и не осуществлялось бы Бытие¹⁵.

¹⁴ Heidegger M. Beiträge zur Philosophie. S. 71.

¹⁵ Совершенно недвусмысленен фрагмент из лекций 1937–38 годов: «“Вот” подразумевает тот просвет, в котором в любом случае находится сущее в целом, однако таким образом, что в этом «вот» бытие открытого сущего показывает себя и в то же время уклоняется. *Быть* этим “вот” – некое определение человека, в соответствии с которым он учреждает то, что само остаётся основой его высших бытийных возможностей», Heidegger M. Grundfragen der Philosophie. Ausgewählte «Probleme» der Logik. GA. Bd. 45. Fr./M., 1984. S. 213.

Две «половины» вот-бытия далее препарируются более тонко. «Вот», по сути, – потенция, которая подразумевает и генерирует втягивание в неё в виде вот-*бытия*. Вот-бытие представляет собой развёртывание «вот», а специфика этого развёртывания состоит в том, что вот-бытие оказывается в «вот» как бы запертым. Запертость передаётся у Хайдеггера словами заброшенность, принадлежность к Бытию, и, насколько можно его понять, есть образование замкнутой (хотя и внутренне разнообразной) реальности, определённости (вот) которой расплывается в неопределённое будущее. Точнее, она не просто расплывается, а имеет внутреннюю направленность в неё. Это натяжение между определённой и неопределённой составляет онтологическую ткань самости, в которой возникает человек. Уже как производное от этой самости возможна самоидентификация в виде Я или Мы (например, как народ).

Далее складывается впечатление, что вот-*бытие* также имеет два модуса. Первый – это те возможности, в которые погружён исторический человек, возможности, которые уже зафиксировались как известные. В этом смысле, люди в принципе «расположены» в вот-бытии. Второй, как ни странно это прозвучит, – это те же самые возможности, которые, однако, как бы оживают. Это оживание происходит тогда, когда через них начинает проступать по-настоящему новое, а настоящее новое, в свою очередь, для Хайдеггера есть свершение самого Бытия, то есть Ereignis. Однако, сами люди, которые выступают как медиумы этого свершения, поскольку свершения делаются их руками и умами, даже не осознают, что это происходит. Они лишь истово делают своё любимое дело, и то, что свершилось новое, обнаруживается задним числом.

Если смотреть на вот-бытие под таким углом зрения, то оно является чем-то вроде волны, имеющей тело и гребень. В теле волны люди пребывают постоянно, а на гребне могут оказаться лишь в редкие моменты своей жизни и истории. Гребень оказывается измерением, в которое можно выйти достаточно редко, и, как видится Хайдеггеру, не по собственной воле. Эти редчайшие моменты есть подлинные моменты истории, когда через все проявления вот-бытия проходит мощный импульс, созидающий новый облик сущего. Как раз в моменты таких смещений человек может прочувствовать, что такое вот-бытие на самом деле. Хайдеггер полагал, что в пору написания своих сочинений 30-х годов такое изменение начинается как бы брезжить

сквозь устоявшееся и подошедшее к концу «первое начало», на смену которому может прийти «другое начало».

Неоднозначность термина «вот-бытие» прослеживается у него постоянно. Имеются контексты, в которых оно, действительно, более всего напоминает толщу воды, в которой люди вообще (и западный человек в частности) как некие рыбы плавают всю жизнь. Но имеются и другие, в которых вот-бытие оказывается бездной, в которую способны прыгать и прыгают только одиночки, причём в этой-то бездне они впервые и достигают самости. В некоторых местах Хайдеггер понимает дело в терминах «подлинного» и «неподлинного» вот-бытия. Тогда оказывается, что повёрнутое из вот-бытия прочь (weg) к наличному существу человеческое бытие – неподлинное. И именно в этом состоянии человек преимущественно обретается. Подлинное же человеческое бытие – это то, где он поворачивается к исходному просвету вот-бытия и как бы пытается уловить идущий через него набросок Бытия. Это группа модусов творческого измерения (мышление, поэзия, строительство, политическое лидерство, жертвование). В этом подлинном человеческом бытии самость человека принципиально разомкнута – это и изначально прыжок в бездну, и далее промеривание бездны.

Описанная двойственная сущность вот-бытия прорисовывается Хайдеггером также с помощью терминов «набросок» и «заброшенность». Наиболее краткая формулировка такова: «Набросок *вот-бытия* возможен только как вступление в *вот-бытие*»¹⁶. В своё время термин «набросок» появился в аналитике вот-бытия при рассмотрении понимания, и структура его представляла собой задание возможностей, через которые вот-бытие себя идентифицирует и собственно делается для каждого своим (je meines).

Теперь, с учётом увеличения масштаба вот-бытия, этот набросок уже свёршается как бы поверх всех отдельных людей, и при этом сущность человека как такового сама становится результатом наброска. Хайдеггер теперь совсем не возвращается на уровень отдельного человека – речь преимущественно идёт о его миссии в принципе или, по меньшей мере, об уровне народа (который, к примеру, имеет шанс встретиться с новым богом или богами). Хотя имеются и его предостерегающие замечания о перетолковании вот-бытия в смысле нации, народа. Таким образом, теперь набросок возможностей для сущего

¹⁶ Heidegger M. Beiträge zur Philosophie. S. 309.

и человека посреди него идёт со стороны измерения неподконтрольного (и незаметного) отдельному человеку.

Главная разница между наброском периода «Бытия и времени» и наброском в смысле 30-х годов видится в том, что за пределы первого можно было выйти (разумеется, войдя в другой), поскольку его результатом было чье-либо вот-бытие, и оно хотя бы обозримо из другого вот-бытия (или, скажем, несобственный модус вот-бытия был обозрим из модуса собственности), в то время как за пределы второго выйти почти невозможно, поскольку его результатом является весь мир и человек в принципе. («Почти», разумеется, означает, что в редких случаях возможно.)

Приложение механизма наброска к вот-бытию в новой хайдеггеровской парадигме создаёт сложности в осмыслении и указании источника наброска. Не очень понятна инстанция, которая собственно «бросает» набросок. С одной стороны, Хайдеггер пишет, что его бросает вот-бытие, а с другой, в конечном счёте, этой инстанцией оказывается само Бытие, правда, скрытым от вот-бытия образом.

Вот как это выглядит более детально. Своеобразие наброска в том, что набрасывающая инстанция образуется в ходе него же самого. «Бросатель наброска, по существу выбрасывается в открытое набрасывающего раскрытия для того, чтобы в этом открытом в качестве основы и бездны впервые стать *самим собой*»¹⁷. Мы видим здесь, что набросок, с точки зрения его своеобразной механики, становится чем-то вроде удара, который выкидывает вот-бытие в состояние расползания некими возможностями, в кругу которых оно и становится *самим собой* в двух смыслах. Во-первых, оно приобретает некий состав, содержание, определённую – самость. Во-вторых, оно получает всё перечисленное в собственное распоряжение даже не столько как состав, а как возможность это всё выбирать, как возможность стать заполненным сущим, и за счёт этого стать своеобразным сущим самому. Вот-бытие в результате такого наброска начинает *располагать самим собой* в обрисованном смысле.

Таким образом, через набросок реализуется онтологическая самость, в которой с одной стороны конкретное её содержимое: уже известное сущее и известные возможности отнесения к нему, то есть, заставаемое в мире, а с другой – простор принятия решения, выбора себя – предоставленность вот-бытия самому себе. По одну сторону –

¹⁷ Heidegger M. Beiträge zur Philosophie. S. 304.

заброшенность – то, во что на конкретном историческом отрезке погружено человеческое существо (включая фактическое смысловое наполнение того, что есть само это существо). По другую сторону – та своеобразная пустота, в которую как бы бросается набросок. Хайдеггер называет это «зиянием бытия», «бездной», под чем надо понимать измерение неизвестности, в которую, несмотря на общую ясность, всегда погружены народы и отдельные люди, пустота которой даёт возможность сделать в неё шаг и ещё шаг, потому что она не имеет дна.

Подводя некий промежуточный итог по части устройства вот-бытия, можно сказать: создаётся впечатление, что вот-бытие имеет как бы два режима. Первый – это режим уже свершившейся открытости сущего, для русскоязычного обозначения которого лучше всего подходит слово «явь». Причём это не явь в оппозиции сну, а явь, в которую включён и сон, поскольку реалии сна – это, в конечном счёте, те же известные реалии бодрствования, только более хаотичные. Это режим, к которому подключены, а точнее, в котором видят и понимают как себя, так и окружающее, люди. Второй режим – это режим «тёмного тоннеля»¹⁸. Это режим, в котором всё известное в целом или в отдельных регионах вдруг проваливается в неизвестность или более-менее мягко отступает в неё. Это все ситуации, в которых дальнейшее не просматривается, непредсказуемо и может быть каким угодно. Проявляя себя в частностях, это могут быть: моменты новаторского творчества, моменты принятия важных жизненных решений, моменты политических и исторических решений и проистекающее из этого стояние в исторических событиях с неясным исходом. Наконец, это моменты смерти. Проявляя себя в целом, это – крайне редко происходящее, колоссальных масштабов смещение всех сложившихся форм сущего, прорастание через них нового, небывалого – становление нового народа, новой религии, новой культуры и т.п. Первый режим – это режим открытости. Второй – режим сокрытия. Истина понимается Хайдеггером как сочетание первого со вторым. Одного нет без другого.

Назревает вопрос: действительно ли вот-бытие (Dasein) проекта 30-х годов есть нечто новое, неописанное до Хайдеггера и несводимое к фундаментальным понятиям его предшественников? Ближай-

¹⁸ Образ не хайдеггеровский, см.: *Pöggeler O. Neue Wege mit Heidegger*. Freiburg; München, 1992. S. 60.

шим из них, разумеется, является Гуссерль. Его имя и сам термин «феноменология» не упоминаются в «Заметках». Но как всё же соотносятся новая интерпретация Dasein и феноменологически понимаемое сознание? Можно ли трактовать вот-бытие нового проекта как осознаваемую явь или как сознание, внутри которого дано всё? Если выразиться кратко, то у Гуссерля всё сущее полагается в виде смыслов в сознании, переживания которого можно пронаблюдать в рефлексии, а у Хайдеггера сущее и структуры самого сознания полагаются неусматриваемым никакой рефлексией Бытием. Полагание это носит характер ввергания в реальность, но в то же время всё осознаваемое сущее в целом и структуры самого осознания носят временный характер, будучи погружёнными в историю Бытия.

Иначе говоря, то, что принимается за мир с содержащимся в нём человеком, у Хайдеггера представляет собой лишь фиксированную на время позицию в ином измерении, которое, насколько можно его понять, не имеет с сознанием ничего общего. Постижение вот-бытия как образования, в котором под воздействием импульса из неизвестности проявляется всё, и к тому же подвешивание этого всего в наброске, даёт основания понимать Хайдеггера в том смысле, что потенциально подвижны все априорные (для данной эпохи Бытия) структуры и содержания сознания, как бы они ни описывались. А с констатацией такой подвижности теряется и возможность понимать их вместилище как сознание. Во всяком случае, как описываемое до него сознание. Здесь ключевым вопросом кажется следующий: затронет ли новый набросок модусы самого вот-*бытия*. Если нет, то под термином «вот-бытие» скрывается лишь расширенная субъективность или своего рода потенциальная субъективность. Если же да, то в этом случае, действительно, происходит отход от модели «сознание – конституированное внутри него сущее». Ясного ответа Хайдеггер на этот вопрос не даёт, всё время балансируя на его грани.

3. Постижение Бытия как Ereignis

После того как более-менее обрисована ситуация с новым пониманием вот-бытия, можно обратиться к смыслу термина Ereignis. Уже говорилось, что значение самого слова – «событие». Однако Хайдеггер прямо указывает, что значение «Ereignis» как термина его философии надо развести с традиционным смыслом. Он вскрывает в Ereignis корень -eigen-, который в качестве самостоятельного слова

означает «свой, собственный». Суть дела будет сводиться к свершению некой собственности. Несложно догадаться, что это будет не фиксация каких-то прав на вещи теми или иными субъектами, а собственность онтологическая. Ареной и плотью этой собственности выступает вот-бытие.

Необходимо заметить: несмотря на постоянные отсылки в тексте к Ereignis, развёрнутых объяснений его природы чрезвычайно мало. Самая частая формулировка: Бытие вы-сваивает (er-eignet)¹⁹ вот-бытие. Процесс этого вы-своения (или о-своения) есть поступание вот-бытия в собственность, что реализуется двояко: как обретение им собственности и как втягивание в эту собственность. Описывается это следующим образом: «Самость в качестве осуществления вот-бытия возникает из происхождения вот-бытия. А происхождение самости есть *владение (Eigen-tum)*. Это слово употреблено здесь в значении «господства» (*Fürsten-tum*). Господство годности (*Eignung*) в сбывании (*Ereignis*). Годность есть присвоение (*Zueignung*) и передача в собственность (*Übereignung*). Поскольку вот-бытие, принадлежа сбыванию, присваивается *себе*, оно приходит к себе *самому*, но, не так будто самость была неким уже наличествующим, но до этого момента ещё не достигнутым состоянием. Скорее вот-бытие приходит к себе самому за счёт того, что присвоение в принадлежность одновременно становится передачей в собственность, передачей в сбывание (*Ereignis*). *Бытие-вот* – арендавание “вот”²⁰. Собственность как господство годности есть свершение сомкнутых в себе присвоения и передачи в собственность”²¹.

О чём же идёт речь? Видно, что самость постигается Хайдеггером как годность для использования. Вот-бытие, с одной стороны, свершаясь, вы-сваиваясь, обретает состав – сущее выдвигается в просвет и становится *своим* для этого просвета. С другой стороны, вовнутрь просвета передаётся то, посредством чего это сущее удержано –

¹⁹ Я перевожу «вы-сваивает», поскольку, во-первых, этим «er-eignet» вот-бытие передаётся в принадлежность Бытию, а во-вторых, имеются места, в которых «er-eignet» синонимично «заброшен».

²⁰ Хайдеггер использует в этом предложении слово «Beständnis», которое переводится как «аренда», «арендование». В настоящее время мало употребляемое, но имевшее хождение в правовых документах более раннего времени. В некоторых словарях маркируется как слово южно-немецкого диалекта. Данный термин повторяется и в других фрагментах «Заметок» со схожим смыслом.

²¹ *Heidegger M. Beiträge zur Philosophie. S. 319–320.*

формы человеческого деятельного и познавательного отношения – вот-*бытие*. Таким образом, вот-бытие: готово для сущего, призвано взять это сущее на себя, и не становится самим собой без вхождения сущего в просвет.

Вот-*бытие* берёт просвет в аренду. Но само содержание этого арендования становится сбыванием – вот-бытие обретает таковость, *свой-ство* – обретает «вот», и ставшее «вот таким» теперь подчиняет, поскольку теперь оно сущее. Можно сказать, что вот-бытие арендуется как возможность, а плата за аренду заключается в заполнении его сущим, и превращении его за счёт этого в сущее. Можно спросить: арендуется кем? Каждым отдельным человеком, проходящим в просвет, в котором человек и становится человеком. Приходя в этот просвет, он обречён о-сваиваться в нём.

Передавая сказанное в уже обсуждавшихся терминах: явь может быть дана только через набросок возможного (своего), а набросок есть выбрасывание в эту явь.

Описанное устройство самости Хайдеггер отличает от самости в смысле «Я». Первое фундирует второе. Направленность «я» на самого себя как представление в акте самосознания, и тождественность представляющего с представляемым – это, по Хайдеггеру, не исходная сущность самости.

Если теперь суммировать, что же такое Ereignis, то можно выделить несколько базовых значений. Во-первых, Ereignis – это само событие наброска Бытия, историческое свершение ясности в отношении того, что такое «быть». Во-вторых, Ereignis подразумевает механизм этого события. Механизм – это *Ereignung*, что можно передать как вы-своение. Вы-своение происходит как арендование годности и угождение вследствие этого в «вот», в своё собственное, в присутствие. В-третьих, проявление в вот-бытии в качестве отдельного человека или групп людей ставит их перед задачей осваиваться в полученной самости. Постигая это свершающееся забрасывание в своё как некое смыкающееся единство, мы можем сказать, что так Бытие *сбывается* (*ereignet sich*).

Таким образом, можно констатировать, что Хайдеггер нашёл слово, которое позволило ему представить осуществление Бытия в терминах собственности. Но сказать, что было первичным – найденное слово или представшая его взору соответствующая ему «механика» Бытия – довольно затруднительно. Важно также то, что для полноценной картины одного лишь Ereignis совершенно недостаточно, и

более-менее внятная модель достигается только с подключением структур и образований описанных им ранее.

4. Истина как единство открытия и сокрытия

Одной из них является переосмысленная «истина». Последняя для Хайдеггера (ещё со времён «Бытия и времени») – не соответствие мысли или предложения действительности, а само открытие сущего. В 30-е годы истина это «просвет бытия как открытость Посреди (In-mitten) сущего»²². Это означает, что «истина окончательно отделена от всякого сущего в любом способе истолкования, будь то φύσις²³, ιδέα²⁴, perceptum²⁵, предмет, осознанное, помысленное»²⁶. Традиционный же вопрос об отношении истины к мышлению возможен, только если истина уже понимается как правильность.

Каким же образом происходит свершение этой изначальной истины? В принципе, разъяснения этого процесса просто отсылают к уже рассмотренным набрасыванию наброска, вы-своению и проч. Исторически люди уже давно пребывают в определённом наброске, в результате чего они имеют дело с прозрачным в отношении его бытия сущим. Этот же процесс есть ввергание вот-бытия в свою собственность, что помимо раскрытия всех форм сущего означает раскрытие форм восприятия, мышления, деятельности. Уже понятно, что это ввергание носит бесповоротный характер, и обозреть этот процесс извне невозможно. Невозможно уловить даже сам момент этого ввергания, поскольку, как уже говорилось при обсуждении природы наброска, любое «Кто», которое могло бы что-то обозреть, возникает в результате этого самого ввергания. Таким образом, открытие всего есть сокрытие этого открытия – видна лишь слитная явь, причём, лишь для проступивших внутри неё же субъектов, но не виден ни её исток, ни малейший проблеск знания об этом ввергании.

Так наполняется смыслом формулировка: «Сущность истины есть просвет для скрывания себя»²⁷. Мы вплотную подошли к теме сокры-

²² Heidegger M. Beiträge zur Philosophie. S. 326.

²³ φύσις – природа (др.-греч.).

²⁴ ιδέα – идея (др.-греч.).

²⁵ perceptum – воспринимаемое (лат.)

²⁶ Beiträge zur Philosophie. S. 329.

²⁷ Beiträge zur Philosophie. S. 348.

тия, механизм которого отчасти уже ясен. Истина есть неразрывное единство открытия и сокрытия.

Сокрытие происходит по нескольким основным направлениям. Первый аспект есть сокрытие Бытия в сущее. Высваивая вот-бытие, само Бытие как бы растворяется в сущем, и, в итоге, у стоящего посреди сущего человека складывается впечатление его первичности, самостоятельности, и отсутствия чего-либо иного. Сокрыт сам факт того, что всё это сущее, в конце концов, есть лишь известная перспектива, набросок и не более того. Можно выразиться и так: именно явившееся в своей открытости сущее, видимое как самостоятельное, как раз таки и скрыто в отношении своей подлинной природы.

Второй аспект сокрытия – сокрытие в форме вот-*бытия*. Ereignis – это ввергание во все формы осознаваемой деятельности. Что собственно при этом скрыто? Ничто иное, как включённость самих этих форм в набросок. Формы, которые человек принимает за способы данности ему сущего, правильно организованные подходы к нему и манипуляции с ним (да и не может не принимать, ведь из этих способов слагается то, что он называет человеком), не что иное, как фиксированная в истории Бытия точка ослепительного забвения – в которой скрыто, что это не самосуицид человек подходит к уже наличному сущему, а сбывание прорастает через человека для удержания сущего таким, а не иным.

Следует заметить, что стояние в этом сокрытии Хайдеггер мыслит как почётную миссию человека. Через вот-бытие человек становится возможностью для открытия сущего, а, с другой стороны, закрепляясь при нём, он становится стражем сущего, его пастухом. Функция человека – это функция проявителя и закрепителя облика Бытия.

Третий аспект это сокрытие в форме неопределённости и возможности, которыми пронизано вот-бытие. То, что названо «бездной». Само слово «бездна» (Abgrund) впервые наполняется онтологическим смыслом у Якоба Бёме. По-видимому, из этого источника Хайдеггер и почерпнул. «Бездна» понимается им двояко. Во-первых, это простор неопределённости, который предлагает себя для заполнения и создаёт в вот-бытии эффект незащищённости, безпорности, риска, и, главное – основу возможности в принципе. Во-вторых, бездна понимается как единство пространства и времени. Несложно предугадать, что декларируется их отличие от физических. Временение происходит как обрыв в структуре сущего, в котором зияет возможность иного наброска бытия, возможность, которая со стороны уже свершив-

шегося сущего выглядит как вход в неизвестность. Но эта возможность пока лишь принципиальная возможность. К ней добавляется ещё нечто. Происходит как бы оплотнение этой возможности, «отодвижение в момент» скрепляется, и это даёт что-то вроде зависания, которое Хайдеггер называет словом *Verückung* (замерзание, обволаживание). «Это замерзание есть объятие, в котором удержан момент, а тем самым и временение. Это замерзание добавляет возможность одаривания, как осуществляющуюся возможность, оно её предоставляет (*einräumt*)»²⁸. Извлекая из слова *Einräumung* (предоставление) корень *-raum-*, который в виде существительного и обозначает в немецком «пространство», Хайдеггер обретает второй компонент времени-места. Описывая это отодвигающее-замерзание единство, Хайдеггер считает его фундирующим по отношению к пространству и времени в физическом смысле. Они, по его мнению, есть продукт интерпретации сущего как наличного, в то время как вводимое им единое образование является предваряющим условием наброска бытия, в котором это сущее как наличное вообще возможно.

Четвёртый аспект сокрытия – это сокрытие от человека отдельных компонентов внутри самого вот-бытия, в частности то, что Хайдеггер называет «землёй» (*Erde*). Сам этот образ, по мнению Гадамера, был заимствован у Гёльдерлина. Подобно другим терминам бытийно-исторического проекта «земля» термин неоднозначный. Просматривается как минимум два его смысла. Во-первых, это противостоящая полному открытию внутренность сущего, обнаруживающегося в просвете. Во-вторых, земля, как метко выразился один из исследователей Хайдеггера, это «горизонт заброшенности»²⁹. Имеется в виду, что при забрасывании в своё «вот», человек как часть народа в качестве основы обретает возможности, которые пока ещё скрыты и должны быть извлечены на свет в процессе разворачивания этой основы двояким образом – линейно в историческом времени, и как расширение во все стороны из каждой точки на этой линии (подобно фронту ударной волны)³⁰.

²⁸ *Heidegger M. Beiträge zur Philosophie. S. 385.*

²⁹ *Tugendhat E. Der Wahrheitsbegriff bei Husserl und Heidegger. Berlin, 1970 S. 271.*

³⁰ Вот как это описывается в «Истоке художественного творения»: «Истинный поэтический набросок является раскрытием того, во что в качестве исторического уже заброшено вот-бытие. Это – земля, а для исторического народа – его земля, замыкающая себя основа (*Grund*), на которой он покоится со всем, чем он, ещё скрыто от него самого, уже является. Но это – его мир, который пра-

Первые два аспекта сокрытия трактуются Хайдеггером практически как непреодолимые, во-первых, потому что неизвестен сам их факт, во-вторых, отсутствует точка опоры, из которой они могли бы быть преодолены. Однако, иногда это сокрытие, можно если не устранить, то хотя бы прочувствовать – завеса на время становится ощутимой. Обстоятельства и условия этого события весьма неясны, однако, в общих чертах, это смещение сущего с устойчивой позиции, на которой оно кажется прочным и незыблемым до такой степени, что противопоставляться ему может только небытие. Однако, опыт Бытия отнимает у сущего его исключительность и полагает ему некие границы. В то же время, конкретного положительного описания данного опыта Хайдеггер не даёт. Понятно только, что это дар самого Бытия. После такого опыта человек возвращается назад, однако, уже с пониманием ограниченности сущего и его производности из чего-то иного, остающегося в имманентном ему сокрытии.

Но иногда дар может быть и богаче. Тогда человек не просто смещается с закреплённой позиции просвета – он может оказаться в просвете, развёртывающемся для нового наброска бытия. Здесь он становится свидетелем, проводником и хранителем того, как всё сущее (включая его самого) как бы собирается у бездны, из которой затем происходит возвращение преображённых богов, человека, мира и земли. Это редчайшие моменты истории Бытия, мощное потрясение, волна разворачивания которого будет идти далее через века. Я бы охотно дал более подробную картину этого интригующего опыта, но, к сожалению, Хайдеггер в этом месте становится особенно невнятен. Он полагал, что время этих изменений только настаёт, а потому конкретное содержание новой эпохи невозможно даже наметить. С другой стороны, вся история западной метафизики, которую он не переставал анализировать до самого конца жизни, для него и была разворачиванием в виде философии такого изначального дара Бытия, в котором судьба сущего, западного человека вместе с его богами и предстали как единое и завершённое сбывание – Ereignis.

вит из отношения вот-бытия к несокрытости бытия. Поэтому всё данное вместе с человеком в наброске должно быть извлечено из закрытой основы и особо на эту основу поставлено. Таким образом она впервые и основывается в качестве несущей основы», *Heidegger M. Der Ursprung des Kunstwerkes // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993. С. 105.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бибихин В.В. Хайдеггер: от «Бытия и времени» к «Beiträge» // Бибихин В.В. Ранний Хайдеггер: Материалы к семинару. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2009.

Гайдено П.П. М. Хайдеггер: от исторической герменевтики к герменевтике бытия // Гайдено П.П. Прорыв к трансцендентному. М., 1997.

Поздняков М.В. Анализ метафизики в философии М. Хайдеггера // Вестник Московского государственного индустриального университета. 2002. № 1. С. 46–54.

Хайдеггер М. Исток художественного творения (Der Ursprung des Kunstwerkes) // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993.

Bretschneider W. Sein und Wahrheit. Über die Zusammengehörigkeit von Sein und Wahrheit im Denken Martin Heideggers. Meisenheim am Glan, 1965.

Heidegger M. Beiträge zur Philosophie. GA. Bd. 65. Frankfurt am Main, 1989.

Heidegger M. Einführung in die Metaphysik. GA. Bd. 40. Frankfurt am Main, 1983.

Heidegger M. Grundfragen der Philosophie. Ausgewählte «Probleme» der Logik. GA. Bd. 45. Frankfurt am Main, 1984.

Heidegger M. Sein und Zeit. 1986. Tübingen, 1986.

Heidegger M. Was ist Metaphysik? Einleitung. Frankfurt am Main, 1992.

Heidegger M. Zeit und Sein. GA Bd.14. Frankfurt am Main, 2007.

Pöggeler O. Neue Wege mit Heidegger. Freiburg; München, 1992.

Tugendhat E. Der Wahrheitsbegriff bei Husserl und Heidegger. Berlin, 1970.

Pozdnyakov Maxim Vladimirovich

Ph.D., Associate Professor at the Moscow State University of Mechanical Engineering (MAMI), 38, Bolshaya Semenovskaya Str., Moscow, 107023, Russia. E-mail: max1997im@gmail.com.

Martin Heidegger's Ontological and Historical Project of the 1930s

Summary: The article looks at the main ideas of ontological and historical project of Martin Heidegger, which most complete interpretation can be found in the work «Articles on Philosophy» 1936-1938 (Beiträge zur Philosophie). The main point of the article is to re-think the notions of «Dasein», as well as the key notion of the project – «Ereignis».

The author shows that “Dasein” in Heidegger’s new project acquires the nature of a global “glimpse” which reveals all things existent, including man. Heidegger does not interpret «Dasein» as all things existent which are Man anymore (as it was in his «Being and Time»). Further on the author of the article analyses Heidegger’s understanding of the «Ereignis» as the process of owning in the ontological sense. The latter is the process which results, on the one hand, in revealing all things existent, and on

the other, rigid fixation of its unambiguity, which in the metaphysical sense should mean the establishment of the “reality” of the world. Meanwhile, the “reality” of the world is provided for by all the methods of human activity and experience. On the one hand, a man is a mediator of the «reality» of the real and, on the other, he himself is the contents of this reality where he manifests himself. Thus, «making it your own» (Ereignis) is a process through which a Man and all things existent become available to and owned by each other, acquiring «their own» (eigen). At the same time, the mechanism of «making it your own», as described by Heidegger, always provides for an opportunity to make a new «sketch» of being, which may result in a massive change of perceived and used «properties» of being and the forms of human perception (consciousness) itself.

Keywords: phenomenology, ontological and historical project of Martin Heidegger, Heidegger’s subsequent philosophy, Dasein, Ereignis, making-it-one’s-own (Ereignis), time, destruction of metaphysics.